

либо от начала Русской земли. Даже узко местные летописи открывались обычно с сокращенного изложения событий, описанных в Повести временных лет, или с кратких выдержек из хронографов. Этот летописный тип изложения сохраняется и в XVI в. („Никоновская летопись“, Лицевой свод), но рядом с ним вырастает и новая форма исторического повествования: „Летописецъ начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, посвященный только Грозному, „История о московском великом князе Иване Васильевиче“, также посвященная только Грозному, „История о Казанском царстве“ и др. Во всех этих произведениях единство темы облегчало пониживание всего повествования единством точки зрения, и, наоборот, единая точка зрения приводила к сужению исторического повествования до одной темы: биографии монарха, описания истории одного города и т. п., или до обзора исторических событий ограниченного периода.

Но кроме этих двух взаимосвязанных новостей исторического повествования XVI в. — единства точки зрения на исторические события и единства темы исторического повествования — уже XVI век дает себя знать и в пробуждении интереса к исторической личности. Именно историческая личность становится в центр повествования „Летописца начала царства“, „Истории о великом князе московском“, „Степенной книги“. В Никоновском летописном своде этот интерес к исторической личности проявляется в риторическом развитии характеристик (особенно некрологических), в снабжении упоминаний об исторических лицах генеалогическими справками, в придаче мотивировок действиям тех или иных исторических лиц.

Необходимо отметить, однако, что на первых порах речь может идти только о развитии интереса к историческим личностям, к повышению их веса в историческом повествовании, но не о появлении нового отношения к этим личностям, не о новом понимании их характеров. Это достаточно отчетливо видно хотя бы на примере Степенной книги. Степенная книга служит ярким образцом интереса к личности русских исторических деятелей. Вся русская история сводится в ней к биографиям великих князей и митрополитов, к их характеристикам. Но в каждой из этих биографий и характеристик нет еще пока ничего принципиально качественно нового. Весь арсенал средств для характеристик заимствован в Степенной книге, как это неоднократно отмечалось уже, из житийной литературы или, реже, из Хронографа. Степенная книга была явлением параллельным к маркариевским Четьям минеям и не случайно, что обе эти „энциклопедии“ XVI в. вышли из одного и того же кружка книжников. Но житийная похвала не была еще характеристикой в полном смысле этого слова: „житие — не биография, — говорит В. О. Ключевский, — а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии — не портрет, а икона“.¹

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, 1923, стр. 314—315.